

Старинная библиотека

Мария Конопницкая

ИСТОРИЯ О ГНОМАХ И СИРОТКЕ МАРЫСЕ

Мария Конопницкая

**История о гномах
и сиротке Марысе**

«Издательские решения»

Конопницкая М.

История о гномах и сиротке Марысе / М. Конопницкая —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-501650-8

«История о гномах и сиротке Марысе» — сказочная повесть Марии Конопницкой о забавных маленьких человечках, которые одним людям благоволят, а над другими могут здорово подшутить. А если кого полюбят, то станут незаметно помогать в житейских делах, как бедной сиротке Марысе, потерявшей своих гусей... Книга для всех, кто любит сказочные истории: для детей и родителей, и для взрослых, которые в глубине души ещё остаются детьми. С чёрно-белыми иллюстрациями из дореволюционного русского издания 1916 г.

ISBN 978-5-00-501650-8

© Конопницкая М.
© Издательские решения

Содержание

Как придворный летописец короля Огонька распознавал весну	7
Глава первая	7
Глава вторая	9
Глава третья	14
Глава четвёртая	16
Глава пятая	18
Глава шестая	20
Глава седьмая	22
Глава восьмая	24
Приключения Подзёмка	27
Глава первая	27
Глава вторая	30
Глава третья	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

История о гномах и сиротке Марысе

Мария Конопницкая

Редактор Сергей Корнев

Дизайнер обложки Вадим Конопкин

© Вадим Конопкин, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-1650-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сказка это иль не сказка,
А слышали все давно мы, —
Хочешь верить иль не верить, —
Что живут на свете гномы.

Удивительный народец!
Сотня спрячется в кармане, —
Все подробности, конечно,
Вы узнаете от няни.

На горах, в ущельях, в ямах,
То в печурке иль в каморке,
Заседают важно гномы
В каждой малой мышьей норке.

Под камином, под порогом,
Всюду встретите их смело;
Тот присматривает в кухне,
Чтоб жаркое не сгорело,

Тот кусочек стащит сала

Или сахарную пенку,
Тот поднимет крошку хлеба,
Что падёт вам на коленку;

Тот бичом в конюшне щёлкнет,
Тот коням сплетает гриву,
Детям рассказывает сказки, —
Поневоле дашься диву!

Прошмыгнёт повсюду тенью
Словно зёрнышко гороха,
От него не открестишься, —
Ловок маленький пройдоха!

Впрочем, верьте иль не верьте, —
Дело в правде, не в обмане, —
А живут ли в мире гномы, —
Вы спросите-ка у няни.

Как придворный летописец короля Огонька распознавал весну

Глава первая

Зима была так тяжела и длинна, что всемиловитый Огонёк, король гномов, примёрз к своему трону. Седая его голова сделалась серебряною от инея, у бороды висели ледяные сосульки, брови казались грозными и свирепыми; в короне вместо жемчужин искрились капли замёрзшей росы, а пар от дыхания оседал снегом на кристалльных стенах его горной пещеры.

Верные подданные короля, юркие гномы, кутались, как могли, в свои красные плащи и нахлобучивали большие капюшоны. Многие из них соорудили себе шубы и тулупы из зелёных и коричневых мхов, собранных в лесу ещё осенью, из еловых шишек, из древесной коры, из беличьего пуха и даже из пёрышек, которые обронили птицы, когда летели за море.

Но король Огонёк не мог одеваться так бедно и так просто. Зимой и летом он должен был носить пурпурную одежду, которая так долго служила королям гномов, что была уже порядочно потёрта, и ветер свободно проходил через неё. Положим, эта одежда, даже в то время, когда была нова, не отличалась особенной теплотой, – сотканная из паутины тех красных паучков, что весною снуют по грядкам, она толщиной своею не превосходила макового лепестка.

И вот бедный король дрожал страшно, постоянно отогревая дыханием свои руки, которые так заоченели, что он даже и скипетра удержать в них не мог.

Известно всем, что в кристалльном дворце огня зажигать нельзя. Как так? Всё потрескалось бы, – и полы, и стены.

Вот и грелся король Огонёк при блеске золота и серебра, при лучах бриллиантов, величиною в яйцо жаворонка, при радугах, которые луч дневного света зажигал в кристалльных стенах тронного зала, при искрах, сыплющихся от длинных мечей, которыми размахивали гномы как по прирождённой храбрости, так и для того, чтоб отогреться. Тем не менее, тепла от всего этого было очень мало, так мало, что бедный старый король, в ожидании весны, щёлкал зубами, которые ещё оставались у него.

– Подберёзник, – сказал он одному из дворян, – слуга мой верный! Выгляни на свет, не идёт ли весна?

Подберёзник покорно ответил:

– Король и господин! Для меня ещё время не наступило, до тех пор, пока крапива не начнёт зеленеть под крестьянским плетнём. А до того ещё далеко!..

Покачал король головою, а через минуту вновь сделал знак рукою и проговорил:

– Синичка! Может быть, ты выглянешь?

Но Синичке не хотелось выставлять на мороз носа. И она тогда ответила:

– Король и господин! Не настала ещё моя пора, до тех пор, пока трясогузка не зачирикает.

А до того ещё далеко!..

Король помолчал немного, но так как холод очень сильно допекал его, то снова заговорил:

– Божья Коровка, слуга мой! Может быть, ты выглянешь?

Но и Божьей Коровке тоже не хотелось выходить на мороз и выюгу. И он поклонился и ответил:

– Король и господин! И мне пора не наступила, пока под засохшим листком не пробудится мушка. А до того ещё очень далеко!..

Король опустил голову на грудь и вздохнул, да так, что от этого вздоха поднялся снежный туман и с минуту в гроте ничего не было видно.

Прошла неделя, прошли две недели, но однажды утром сделалось как-то особенно ясно, а с ледяных сосулек на королевской бороде начала капать вода.

В волосах его снег тоже начал таять, а иней опадал с королевских бровей, и замёрзшие капли, висающие на усах, сплывали словно слёзы. Иней тотчас же стал опадать со стен, а лёд на них трескался с таким грохотом как при пробуждении Вислы¹. В комнате образовалась такая сырость, что все дворяне, с королём вместе, чихали словно из пушки.

А нужно знать, что носы у гномов немаленькие.

Сам-то народ не рослый: когда гном увидит крестьянский сапог, то остановится, разинет рот и дивится, всё думает, что это ратуша². А когда влезет в куриный садок, то спрашивает: «Что это за город такой, и как тут добраться до заставы?» А если свалится в большую кружку, то пищит: «Караул! Я тону в колодце!» Вот какая они мелочь!..

А носы у них на славу, так что любому органисту лучшего не нужно для того, чтобы табак нюхать. И вот они все чихают, так что земля трясётся, и желают доброго здоровья королю и друг другу.

Ехал в это время мужик в лес за дровами, услышал это чиханье и сказал:

– Ого, гремит! Сломала себе зима шею! – он подумал, что это весенний гром.

Мужик тотчас же повернул лошадь к корчме³, чтоб не тратить денег понапрасну на дрова, и просидел там до вечера, рассчитывая и раздумывая, что и когда ему делать, чтобы на всё хватило времени.

Тем временем оттепель благополучно продолжалась. К полудню у всех гномов оттаили усы.

Тогда они начали держать совет, кого бы им выслать на землю, убедиться, действительно ли наступила весна.

Но король Огонёк стукнул своим золотым скипетром и сказал:

– Наш учёный летописец Чепухинский-Вздорный отправится посмотреть, пришла ли весна.

– Мудро королевское слово! – закричали гномы, и все очи обратились на учёного Чепухинского-Вздорного.

Тот, по обыкновению, сидел над огромной книгой, в которую записывал всё, что с древнейших времён случилось в государстве гномов, – откуда они взялись, какие у них были короли, какие войны они вели, и с каким успехом.

Что он видел, что слышал, то записывал верно, а чего не видал и не слышал, то выдумывал так превосходно, что при чтении этой книги сердца у всех преисполнялись радостью.

Он первый доказал, что гномы, не более пяди вышиною, собственно говоря, гиганты, которые нарочно скрючиваются, чтобы у них меньше выходило сукна на кафтаны и плащи, потому что теперь всё стало дорого.

Гномы так гордились своим летописцем, что если кто найдёт какую-нибудь травку, то сейчас же сплетёт венец и возложит ему на голову. Эти венцы вытерли остатки его редких волос, и его голова была гола словно колено.

¹ Самая большая река в Польше.

² Здание городского управления.

³ Кабак.

Глава вторая

Чепухинский-Вздорный тотчас же начал собираться в экспедицию. Сделал он себе целый штоф самых чёрных чернил, потом очинил большое гусиное перо, которое, по милости его тяжести, должен был нести на плече, наподобие карабина, приторочил к спине свои огромные книги, подпоясал плащ ремнём, на голову надел капюшон, на ноги – лапти, закурил длинную трубку и предстал совсем готовый в дорогу.

Верные товарищи трогательно начали прощаться с учёным Чепухинским, опасаясь, не встретит ли его на земле какое-нибудь опасное приключение, да и вообще, увидят ли они когда-нибудь его вновь.

Сам милостивый король Огонёк с минуту продержал его в своих объятиях, потому что очень ценил Чепухинского-Вздорного за его учёность, но двинуться с места не мог, его платье совсем примёрзло к трону.

С высоты своего величия он только простёр свой скипетр над учёным мужем, а когда тот целовал королевскую длань, по королевскому лицу скатилось несколько светлых жемчужин и со стуком упали на кристальный пол. То были замёрзшие слёзы доброго короля. Казнохранитель государства, Грошик, тотчас же подобрал их и, вложив в драгоценную шкатулку, отнёс в казнохранилище.

Учёный Чепухинский возился целый день, прежде чем вышел из грота на землю. Дорога была крутая, переплетённая корнями вековых дубов; обломки скалы, щебень и камешки вырывались из-под его ног и с глухим шумом летели куда-то на дно пропасти; замёрзшие водопады светились как глыбы льда. Учёный путешественник скользил по их поверхности в своих лаптях и только с величайшими усилиями мог подниматься кверху.

К довершению несчастья, он не захватил с собою никакого подкрепления; таща огромные книги, большую чернильницу и большое перо, он уже не мог нести ничего другого.

Чепухинский-Вздорный совсем бы лишился сил, если бы не напал на хозяйственный дом некоего предусмотрительного хомяка.

Хомяк обладал полным амбаром разного зерна и буковых орешков и не только кое-что уделил проголодавшемуся путнику, но даже позволил ему отдохнуть на сене, которым был устлан весь его дом, с условием, чтоб об этом не узнали в деревне.

– Там, – пояснил он, – такие озорники мальчишки, что если бы узнали обо мне, то я ни на минуту не знал бы покоя.

Чепухинский-Вздорный с признательностью покинул дом гостеприимного хомяка.

Теперь он шёл весёлый и радостный, поглядывая из-под тёмного капюшона на мужицкие поля, на луга и на леса. Показывалась уже щётка молодых хлебов и неудержимо рвалась на поверхность земли; уже молодая травка начала выглядывать около влажных ямок; уже над полным ручьём покраснели ветки лозины, а в тихом, мгlistом воздухе были слышны крики журавлей, летящих где-то высоко-высоко.

Всякий другой гном по этим признакам понял бы, что весна уже близко, но Чепухинский-Вздорный с молодых лет был так погружён в свои книги, что кроме них не видал ничего в свете и ни в чём не понимал решительно никакого толку.

Но и у него в сердце была такая непонятная радость, такая бодрость, что он ни с того, ни с сего начал размахивать своим пером и напевать известную старинную песню:

...«Все печали по затылку,
Ставь на стол ещё бутылку»...

Но не успел он пропеть и половины куплета, как вдруг слышал стрекотание стайки воробьёв на плетне, огораживающем поле.

Он сразу оборвал свою песенку, чтобы не брататься со всякою дрянью, наморщил чело и пошёл вперёд, дабы эта гольтёба ведала, что будучи учёным мужем, он не станет водить компании с какими-нибудь воробьями.

А так как и деревня была уже на виду, то он сошёл на межу, где будылки прошлогодного бурьяна почти совсем скрыли его, и незамеченный никем, дошёл до первой избышки.

Деревня была большая, широко раскинувшаяся среди пока ещё почерневших и безлиственных садов, а последние жилища почти совсем подходили к тёмной стене густого соснового леса.

Хаты были зажиточные, свежевыбеленные, из труб вылетал синий дым, на дворах скрипели колодезные журавли, работники поили коней и мычащих коров, а кучки детей с шумом играли на обсаженной тополями дороге.

Но надо всем этим царили стук молота и лязг железа в соседней кузнице, перед которой стояла кучка причитающих баб. Завидев их, Чепухинский-Вздорный начал осторожно прокрадываться вдоль плетня, остановился за кустом терновника и стал прислушиваться.

– Ах, злодей, ах, разбойник! – говорила одна баба. – Если он уже к кузнецу в курятник пробраться не побоялся, то от него никакой курицы не спрячешь.

– Курица! – воскликнула другая. – То не курица была, а золото! Изо дня в день несла яйца да какие! В мой кулак. Во всей деревне другой такой нет.

Послышался ещё чей-то голос:

– А моего петуха кто задушил? Не его это дельце? Как я только увидела растрёпанные перья, так с горя чуть с ног не свалилась. Пяти злотых⁴ не взяла бы за него.

Первая перебила её:

– А что за предатель, что за палач! А какая сила у него в когтях! Если б вы видели, какую он яму вырыл под курятником. Мужик и лопатой лучше не сделает. И никакого средства нет против этого разбойника!

В это время из кузницы выбежала кузнечиха, без кафтана, и, не обращая внимания на холод, остановилась у порога, приложила к глазам фартук и с громким плачем заголосила:

– Хохлаточки вы мои милые! Петушки вы мои золотистые! Что я теперь без вас делать буду, сирота я несчастная!..

Чепухинский-Вздорный дивился этому горю, прислушиваясь то одним ухом, то другим, потому что никак не мог сразу понять, в чём заключалось дело. Но вдруг он щёлкнул себя пальцем по лбу, потом уселся под плетнём среди бурьяна, откупорил чернильницу, омочил в ней перо и, открыв свою огромную книгу, начал заносить в неё такие слова:

...«На второй день моего путешествия я зашёл в несчастную страну, на которую напали татары, избили, передушили или увели в плен всех кур и петухов. Вследствие этого кузнец куёт мечи для предстоящей битвы, а перед кузницей раздаётся плач и ропот».

Он ещё дописывал эти слова, когда на пороге кузницы показался кузнец и гаркнул басом:

– Разве хныканья вам помогут? Тут нужно взять горшок с угольями и выкурить этого негодяя из логовища дымом. Известная вещь, что лис сидит в яме под лесом. Ясек, поскорее!

⁴ Злотый – польская денежная единица.

Стах, чтоб одна нога здесь, другая там! – Собрать ребяташек и с лопатами на него. А ты, мать, не плачь, а только горшок с угольями готовь. Я и сам пошёл бы, да работа спешная.

И он тотчас же с порога возвратился в кузницу, и лязг железа послышался снова.

Но двое кузнечат, покинув мехи⁵, бежали по деревне и кричали: «На лиса! На лиса!»

Потом и бабы потянули к хатам снаряжать экспедицию.

Тогда внимательный ко всему Чепухинский-Вздорный снова омочил в чернильницу своё перо и вписал в книгу следующие слова:

«Над татарами царит неустрашимый вождь и хан, который именуется Великим Лисом, а скрывается он в лесных норах, откуда местное население намеревается выкурить его пушечным дымом».

Едва учёный летописец успел записать это, как до него долетели отголоски ужаснейшего шума. Смотрит он, а на него валит громада баб, детей и подростков с лопатами, с палками, с горшками, а за толпою, подвизгивая, скачут разные «Жучки» и «Хватаи». Ещё раз Чепухинский-Вздорный омочил перо и приписал к своей хронике следующее:

«В этой стране на войну с татарами ходят не мужики, а бабы, мальчишки и подростки; во время марша на неприятеля войско это учиняет страшный шум, бегом стремясь вдоль деревни, а за главною армиею полчище остервенелых псов своим лаем придают ей ещё большее мужество для предстоящего боя.

Сие видел собственными очами и скрепляю собственной подписью».

Тут он наклонил голову, прижмурил левый глаз и, подписав с краю листа: «Чепухинский-Вздорный, Придворный Историк Его Величества Короля Огонька», – украсил это широким и искусным росчерком.

Тем временем с другой стороны плетня до него долетел дымок можжевельника, который в особенности мил гномам. Потянул, вдохнул его Чепухинский-Вздорный своим огромным носом раз, потянул другой и, раздвинув хворост, начал смотреть, откуда выходит этот дымок. И вот, у леса он увидал синий, выющийся шнурок, а когда хорошенько протёр очки, то различил в поле небольшой костёр и пастухов, сидящих вокруг него.

Добрый гном страшно любил детей; он пустился к костру напрямик паровым полем⁶, направляясь прямо на этот дымок и потешно перескакивая через борозды.

Пастушонки удивились, увидав маленького человечка в дорожной одежде, подпоясанной ремнём, с капюшоном, с книгой под мышкою и с пером на плече.

Юзик Срокач тотчас же толкнул в бок Стаха Шафарчика и, показывая пальцем на этого человека, шепнул:

– Гном!

А Чепухинский-Вздорный был уже близко и ласково улыбался детям, кивая головой.

Дети широко раскрыли рты и с любопытством всматривались в него. Они ничуть не испугались, их только охватило внезапное удивление. Они не боялись, потому что хорошо знали, что гномы никому вреда не делают, а бедным сиротам так и помогают даже. И вот Стах Шафарчик сейчас же вспомнил, что когда прошлою весною его телята забежали в лес, то вот этакий малюсенький человечек помог ему отыскать их и загнать на пастбище. Он ещё погладил его по голове, насыпал в шапку земляники и сказал:

– Не бойся! На вот тебе, сирота.

Тем временем Чепухинский-Вздорный подошёл к костру, вынул трубку изо рта и вежливо сказал:

– Здравствуйте, дети!

Пастушонки важно ответили на это:

⁵ В кузнице употребляется для раздувания огня.

⁶ Вспаханное поле, оставляемое на лето незасеянным.

– Здравствуйте, господин гном!

Только девчонки прижались друг к другу, натянули платки так низко, что из-за них едва виднелись концы их носов, и, вытаращив глаза, смотрели на гостя голубыми глазами.

Чепухинский-Вздорный с улыбкой посмотрел на них и спросил:

– Можно погреться у вашего костра? Очень холодно!

– Конечно, можно, – решительно ответил Яська Кшеменец.

– Мы не скряги какие-нибудь! – добавил Шафарчик. А Юзик Срокач ещё сказал:

– Садитесь, господин гном. На почётное место.

И он подобрал полы серого кафтана, давая гостю место у костра.

– А когда картошки испекутся, то и покушать можете, если хотите, – гостеприимно промолвил Кубусь.

Другие тоже не молчали:

– Понятное дело! Того и гляди, как испекутся, – от них уж дух идёт!

Сел тогда Чепухинский-Вздорный и, ласково глядя на румяные личики пастушонков, заговорил растроганным голосом:

– Детки вы мои милые! Чем же я вам отплачу?

Но едва он сказал это, как Зоська Ковальчанка, закрыв глаза ладонью, быстро прокричала:

– А вы нам сказку расскажите.

– Э!.. Что сказка! – сказал на это солидно Стах Шафарчик. – Правда всегда лучше сказки.

– Верно, верно, что лучше! – согласился Чепухинский-Вздорный. – Правда лучше всего.

– Ну, коли так, – весело воскликнул Юзик Срокач, – то расскажите нам, откуда на этом свете взялись гномы?

– Откуда они взялись? – повторил Чепухинский-Вздорный и собирался было начать повествование, как вдруг картофель начал лопаться с превеликим треском, и дети тотчас же кинулись выгребать его из пепла и угольев.

Учёный муж всё-таки сильно испугался этого внезапного шума и, отскочив в сторону, спрятался за полевым камнем. И только из этой крепости он наблюдал, как дети едят какие-то круглые и дымящиеся шары, о которых он не имел ни малейшего понятия.

Потом он раскрыл книгу и, опёршись на тот же самый полевой камень, дрожащею рукою начал вписывать следующие слова:

«Народ в этой стране настолько воинственен и мужественен, что даже и малые дети пекут в горячем пепле картечные пули, и когда эти пули от жары с треском начинают лопаться, тогда мальчики, с пелёнок привыкшие презирать смерть, и даже слабые девочки выгребают эти с ужасным грохотом лопающиеся картечи и ещё дымящиеся прямо подносят к устам. Я был сам очевидцем, свидетелем сего, и, изумляясь такому рыцарскому мужеству, для вечной памяти потомства сие записываю. Дан в поле, на нераспаханной земле, в предвечернюю пору».

Потом следовали подпись и выкрутасы почерка ещё более замысловатые, чем в предыдущий раз.

Тем временем в поле разнёсся такой аппетитный запах печёной картошки, что учёный муж вдруг почувствовал в себе какую-то пустоту и громкое бурчание в желудке.

Заметив, что лопающиеся картечи не приносят пастушонкам ни малейшего вреда, что даже, напротив, дети поглаживают себя по животу от вкусного кушанья, он вышел осторожно из-за камушка и медленно приблизился к костру. Зоська Ковальчанка тотчас же, слегка обчибив картофелину, подавала её, насадив на хворостинку, учёному мужу, приглашая его взять её и кушать.

Не без тревоги Чепухинский-Вздорный отведал картофелину, нашёл её вкус очень приятным и тотчас же протянул руку за другою. Девчонки начали угощать его и вскоре так с ним

освоились, что Кася Бальцеровна последний кусок сама вложила ему в рот, отчего все остальные, а Кася громче всех, запищали от радости.

Глава третья

Подкрепив силы, Чепухинский-Вздорный снова сел у огня, а когда пастушонки подбросили в костёр нового хвороста, а искорки весело начали скакать по сухим веткам, повёл такую речь о гномах:

– В древности мы назывались не гномы, а «Божие», по старинному произношению «Богие». Тогда мы жили не под землёю, не под скалами, не под корнями старых деревьев, как живём теперь, а в селениях, размещались в хатах, вместе с людьми. Давно это было, очень давно. Над этой страной ещё царствовал Лех, который основал город Гнезно⁷ на том месте, где нашёл гнёзда белых птиц. Он так и сказал себе: «Как птицы живут здесь в безопасности, так и земля эта должна быть тихою и доброю».

«Она и была такою.

Об этих птицах люди говорят, что то были орлы; но в наших старых книгах значится, что то были аисты, бродившие по луговым равнинам, – они-то и понаделали там множество гнёзд. Как было, так и было, достаточно того, что вся эта страна начала вызываться Лехиею от имени короля Леха⁸, а народ, который проживал здесь, тоже принял название Лехитов, хотя соседи называли его так же и поляками, потому что он состоял из полевых пахарей и ходил за плугом. Всё это в наших книгах значится за печатью».

– А разве бору тогда не было? – тоненьким голоском спросил Юзик. – Ни рек, ничего не было?

– Ну, вот! – ответил Чепухинский-Вздорный. – Бор был, да не такой как теперь, а громаднейшая пуща, почти бесконечная. А в пуще жили звери огромные и свирепые, и рычали они так, что деревья, которые послабее, так и лопались от страха. Но мы, гномы, знаем только о медведях. Помню прадед моего прапрадеда рассказывал мне: один такой медведь как-то выгнал его вместе с пчёлами из липового дупла да так половину зимы и продержал его при себе, целые дни и ночи заставлял рассказывать себе сказки, а сам только сосал лапу и дремал в берлоге. Только когда хватил сильный мороз, а медведь заснул крепким сном, прадед моего прапрадеда бегом из этой пущи и после семилетнего странствования вернулся к своим.

Дети смеялись, слушая это приключение, а Чепухинский-Вздорный продолжал так:

– Эх! Эх!.. И были же времена!.. Над полями, над водами шумели тогда липовые леса, а в них жил один старый-престарый божок, по имени Святовид, который смотрел на три стороны света и имел попечение надо всем этим краем.

«Но, что касается домов, хозяйства и пожитков, то это оберегали Божие, которых называли ещё и «Малышами», за их незначительный рост.

«В каждой хате свой малыш», – говорил народ в те времена, да и нам было хорошо и весело, потому что мы помогали нашим хозяевам при всякой работе. Мы то коням овёс

⁷ Гнезно – первая историческая столица Польши.

⁸ Легендарный основатель польского государства.

сыпали и обдужали от сора всякое зёрнышко, чтобы оно одно к одному золотилось, то солому перетряхивали, то кур в курятник загоняли, чтобы они не теряли яиц в крапиве, то масло сбивали, то сыры выжимали, то детей качали, то пряжу мотали, то огонь раздували, чтобы каша варилась поскорей. Как только представлялась работа в хате или на дворе, мы за каждую охотно хватались. Правда сказать, и о нас не забывали, если не хозяин, то, по крайней мере, хозяйка. В светлице всегда на краю лавки лежали крошки хлеба и творогу, в чашке всегда немножко мёду или молока. Жить было чем. Когда хозяйка выходила в огород полоть или с серпом в поле, то, бывало, обернётся на пороге, достанет из мешка горсточку проса, рассыпет по избе, скажет: «Помните, Божи, о детях и о хате... а вот вам за это проса». И затем спокойно идёт на работу. А мы шмыг из-под печки, шмыг из-под лавки, шмыг из-под раскрашенного сундука. И сейчас же, бывало, начнём хозяйничать в избе, детям сказки рассказывать, мальчикам лошадок строгать, девочкам ленты вить, косички заплетать.

Бывало, все стёкла в окошках перетрём, солнышко сквозь них в хату впустим и разнесём его золотой свет по всем уголкам, чтобы всё кругом светилось и благоухало.

Работы, правда, было немало, а благодарности людской, пожалуй, ещё больше. Ни помолвки, ни рукобיתя не обходились без того, чтобы нас хозяева не приглашали: «Милости просим пожаловать в гости на жареную лосину, на оленину, на курочку-попрыгушку, на крупитчатые калачи».

Ну, мы, конечно, среди гостей не толкались, никого не стесняли, потому что мы хотя и малый народ, а всегда бывали политичны. Но когда мы начинали, один и другой, пятый и десятый, играть на гусях, под окном ли, под порогом ли, то, бывало, люди наслушаться не могли нашего оркестра, – радость шла от него, такое веселье!

Эх! Эх! Где эти времена, где?»

Глава четвёртая

Остановился Чепухинский-Вздорный и медленно попыхивал трубкой, а дети всматривались в него, слушали и ничего не говорили. После короткого молчания учёный муж начал опять:

– Долго ли так было, не знаю, потому что об этом ничего в наших книгах не говорится. Но потом времена начали изменяться. Не стало добрых панов из рода Леха, а новые всё дрались друг с другом, потому что их было чуть ли не двенадцать. Наконец, народу свары эти надоели, он всех этих драчунов прогнал вон и снова избрал одного господина.

«Ну, успокоился немного этот край, но едва солнце засветило над ним, как опять подошла буря.

Как саранча сваливается на хлебные всходы, чтобы уничтожить их до последней былинки, так на эти лехитские поля свалились немцы, а их князь возжелал силою взять нашу владительницу и сам царить над нами. Я говорю: нашу, потому что мы хотя были только «Божие», но в те древние благословенные времена всё было едино, и мы с людьми держались как братья.

А владительница наша, однако, не хотела немца».

– Я знаю! – тоненьким голоском вдруг крикнула Кася Бальцеровна. – То была Ванда!

– И я знаю! – ещё тоныше запищала Зося Ковальчанка.

И девчонки затянули, стараясь одна перекричать другую:

«Не хотела Ванда⁹ немца»...

Чепухинский-Вздорный покачал на это головою и сказал с улыбкой:

– Именно, не хотела!.. Знаю! Знаю!.. Вся эта песня и в наших книгах значится. Ведь это мы с незапамятных времён заставляем деревенских ребятишек заучивать её наизусть. Как же!.. Я сам научил человек сто. А вас кто выучил?

– А мы не знаем.

– Ну тогда, конечно, я. Кажется ли вам, что иной раз в воздухе что-то говорит или поёт?

– Правда, бывает! – ответили мальчишки важно.

– Так знайте же, что это гномы так разговаривают и распевают. А так как ростом они невелики, то их и не видно, если они попрячутся в хлебах, или в луговых травах, или в листьях лесных деревьев, или залезут вот под такой полевой камень.

«Ну, хорошо!.. Так как госпожа не хотела немца, то началась война. Сейчас же в этот край слетелись вороны и коршуны, сейчас же завyli волки, сейчас же небо облеклось чёрными тучами.

⁹ Ванда – легендарная дочь князя Крака, основателя Кракова.

Мы тоже начали голодать, потому что и хлеб, и сыр, всё шло тем воинам, которые бились с немцами. Отощал весь край, отощали с ним вместе и «Божие». А у нашей госпожи сердце так преисполнилось скорбью, что из-за неё страдает весь народ, что она бросилась в реку, в Вислу, и тотчас же утонула. И только тогда немцы ушли прочь, и у нас воцарилось спокойствие.

Но времена так изменились за эту войну, что просто страх! Брат изменнически стал подстерегать брата, сильный стал обижать слабого, скупец запахивал полосу сиротского поля. А так как там, где царит несправедливость, и льются сиротские слёзы, счастья быть не может, то появились и у нас дурные владыки, которые назывались Попелями».

– Ведь одного из этих Попелей съели мыши? – спросил Юзик Срокач.

Чепухинский-Вздорный выпустил дымок из трубки.

– Об этих мышах говорят разное, – и так, и этак. Старые это времена, и никто не знает верно, как это было. Но в наших книгах стоит, что то не мыши были, а, собственно говоря, «Божие», которые (потому что зима стояла очень суровая) переоделись в мышинные шкурки, и, видя, как Попель нехорошо царствует, толпою набросились на него из мышьих норок и искусили его насмерть.

«Так стоит в наших книгах. Правда ли это, неправда ли, – трудно сказать. Но мой прапрадед сам рассказывал мне, что, прежде чем он ослеп от преклонной старости, он однажды видел мрачное озеро, а над ним суровую башню, где, должно быть, это и случилось, потому что эта башня и до сих пор называется Мышиною. А озеро зовётся Гопло.

Ну, хорошо!...»

Трубочка учёного мужа угасла, и он начал искать в пепле уголёк, а когда нашёл его, то потянул раза два из чубука, потом выпустил клуб дыма и продолжал так:

– В наших старых книгах следующий недостаток:

«То двух листков нет, то попадают такие бледные и полинялые, что ни за что не разберёшь написанного, то идёт толстая чёрная полоса вдоль или поперёк листа, – значит, и не всё узнать можно, что кем-то и когда-то было занесено в книгу.

Но, вообще, хорошие были времена или плохие, – это сейчас узнать можно. Если хорошие, то от этих страниц, хотя бы и от самых старых, струится такой свет, как будто солнце взшло на небо, а коли плохие, то таким мраком от них веет как от тёмной ночи, когда над землёй не увидишь ни звёзд, ни месяца...

Вот каковы старые книга гномов!»

Глава пятая

– Вы хотите знать, что было дальше? – спросил Чепухинский, вновь запалив свою трубочку.

– Хотим, хотим! – закричали девчонки.

– Ну так слушайте. После тех чёрных страниц о Попеле, тотчас же идут светлые страницы о Пясте¹⁰... О Пясте я мог бы рассказывать целые часы.

У Юзика заискрились глаза.

– Тогда говорите, пожалуйста!

– Говорите, миленький! Рассказывайте всё, что знаете! – вперегонки кричали дети.

Чепухинский-Вздорный откинул с головы капюшон, почесал лысину и заговорил так:

– Сам по себе я немного знаю, потому что в то время меня ещё не было на свете, но один старый Малыш, который исписывал эти страницы, был знаком с ещё более старым дубом. Вот этот-то дуб хорошо помнил всю историю, и хотя голос его был уже слаб, но когда он начинал шуметь о Пясте, то во всей пуще воцарялась такая тишина, что как будто всё вокруг замирало. И сосны, и ели, и грабы, и буки, и берёзы, даже травинки и папоротники так внимательно слушали, что ни один листок, ни один стебелёк не осмелится перевести дыхания.

«А почтенный дуб шумел, потихонечку шумел, откуда-то из самого сердца извлекая тихие звуки и припоминая давние времена своей молодости.

Так вот тот Малыш, который в то время был не больше синицы, усаживался тогда под одним грибом, с которым свёл знакомство, и всю эту историю заучил так, что потом занёс в наши книги.

Дело было так:

Стоял себе этот дуб, тогда ещё молодой дубок, в тихой дуброве, а недалеко от него, среди тени лип и пчелиного жужжания, стояла светлая хата, построенная из лиственницы. В хате жило трое людей: Пяст, Ржепиха и сынок их, которого называли Земовит, потому что он ужасно любил свои поля, а когда выходил на порог хаты, то говорил: «Земля, здравствуй!»

И дуб каждый день видел трудовую жизнь этих троих людей, их милостивые сердца и души, настолько чистые, как будто у каждого из них в груди был белый голубь.

Но и «Божие» жили в хате из лиственницы, и хорошо им было, потому что и отец, и сын, и мать, чем могли, тем и угощали их, – то золотым мёдом, то сдобным калачом, а то самым лучшим творогом, потому что, благодаря безустанному труду, дом их был богат и обилен всяким добром.

И в королевском дворце гномам не могло бы быть лучше, чем в тихой, светлой хате, пахнувшей смолоу.

Но пришло время, когда сынку в первый раз нужно было остричь золотые волосы. Сейчас же начали сходитьсь и съезжаться соседи, кто пешком, кто на телеге, кто на верховом коне, так что в усадьбе Пяста сделалось очень шумно.

Суетился Пяст, суетилась Ржепиха, чтобы угостить гостей и угодить им, но и домовые «Божие» усердно помогали целый день. И вот, когда солнце начало заходить, в воздухе раздалось такое чудное пение, что люди подняли глаза к небу, думая, что эти голоса идут оттуда.

Одни только «Божие» вдруг побледнели и задрожали, как будто на них повеял холодный ветер, хотя погода была летняя.

Кто бежал с какою-нибудь услугой, тот так и останавливался, трясясь всем телом, так что зубы его стучали друг о друга.

¹⁰ Легендарный предок королевской династии Пястов.

Тем временем с западной стороны в ярком блеске зари показались два каких-то светлых путника, которые, именно, и направлялись к Пястовой хате с этим пением. А пение это было так громко и сладостно, точно все соловьи запели в садовых тополях, и как будто все капли росы зазвучали на травах и полевых цветах, и как будто все липы на Пястовой пасеке зашумели мелкими листочками, и все былинки издали серебряный звучный голос.

И пели два ясных путника, что над этим краем одно время кончается, а начинается другое. Они пели, как погибнут и в прах рассыплются прежние боги, которым люди молились в святых лесах, а на их место придёт Господь великий, мощный, Господь неба и земли.

И люди слушали это пение, и лица всех озарила сила и надежда.

Но «Божие», опомнившись от первого страха, собрались в самом тёмном уголке Пястовской каморки, все съёжились и дрожали, как дрожат осенью листья, когда им уже пора падать. С дедовских и прадедовских времён им уже было предсказано, что такая песнь явится с западной стороны, и будет она гласить о великом и мощном Господине, о Господине неба и земли, а когда они услышат её, то это будет значить, что они должны идти из хаты, куда глаза глядят, и уступить место ясным, крылатым духам.

Напрасно Ржепиха насыпала им маку, крошила сладкого калача. «Божие», хотя и были голодны, не вышли из своего уголка, не воспользовались этим даром. Один только старейший Малыш на минуту приоткрыл дверь каморки и заглянул сквозь щёлку в светлицу. Но он тотчас же закрыл руками глаза, потому что от одежды путешественников струился такой свет, как будто в светлицу заглянуло само солнце.

Много дней, много ночей просидели «Божие» в каморке, в холоде и в голоде, пока тот великий свет не угас, и пока не утихла песнь, звучащая в воздухе над хатою. Когда они, наконец, осмелились переступить через порог и хотели, по-прежнему, служить хозяевам, то увидели, как Пяст в золотистой мантии, накинутой поверх его обычного белого сермяжного одеяния, в ясной короне, вступал на трон, чтоб царствовать по-королевски, а там ему должны были служить рыцари и дворяне.

Ржепиха тоже стала королевой, а маленький Земовит – королевичем. И так кончилась мужицкая жизнь в хате, и началось царствование в замке.

«Божие» всё-таки по-прежнему присматривали за пряжею, за полем и пасекою, не желая оставлять места милого поселения, где они столько лет жили так спокойно и счастливо.

Но в них уже не было прежней ловкости и силы. Пястовский ключник ставил им на краю скамьи то молока, то мёда, как делала и Ржепиха, но «Божие» уже не смели прикоснуться к этой еде, потому что чувствовали, что работа их уже не прежняя, и что помощь от них плохая. И вот они собирали с пола только то, что падало со стола, и похудели так, так почернели, что вместо «Божиих», «Богих», по старинному произношению, люди начали называть их «убогими».

Тем временем по всему краю разошлось эхо чудной песни, а когда вечерняя заря загоралась на западной стороне, в воздухе что-то начинало играть и петь словно как на серебряной лире, а были и такие люди, которые могли разобрать и слова этой песни.

...«Идёт Господь могучий и великий...
...Идёт Господин неба и земли»...

Но чтобы это слышать, нужно было иметь сердце такое же чистое как утренняя заря.

Вот что шумел, вот что рассказывал вековой дуб, вот к чему прислушивалась затаившая дыхание пуща».

Глава шестая

Замолчал Чепухинский-Вздорный, а дети тоже сидели тихо, – им всё казалось, что в лесном шуме они слышат голос старого дуба. И только спустя минуту отозвался Юзик Срокач:

– А с «Божиими» что случилось?

Но так как Чепухинский-Вздорный молчал, задумавшись над старыми временами, то дети начали дёргать его за плащ и кричали, перебивая один другого:

– Говорите же, господин гном, говорите! Что случилось потом с «Божиими»?

Тогда учёный муж очнулся от своего оцепенения и так повёл речь дальше:

– Убогие ещё долго жили с людьми в их хатах и деревнях, но становились всё более и более грустными, слабыми и маленькими. Да уж и люди не так часто стали призывать их на помощь. Ещё пока был жив Пяст, их никто не обижал, и во время царствования сына его, Земовита, «убогие» ещё имели свой угол в каждой хате. И только когда воцарился внук Земовита, Мешко, то на этот народец пошло такое гонение, что даже и самый смелый не отваживался показываться наружу днём и только в сумерки выползал из уголка, чтобы подкрепиться чем-нибудь.

«В то время матери, уходящие в поле на работу, не бросали «убогим» проса, чтобы те присматривали за их детьми, а творили над хатою крестное знамение и шли только после этого. И вот только лишь запирались двери, хата наполнялась светом, пением и шумом ангельских крыльев, и за детьми стали уже присматривать ангелы.

И вот у «убогих» осталась только самая чёрная работа, в конюшне, в хлеву, в сарае, а в хате только то, чтобы нащепать лучины, перемыть горшки и снести сор в угол.

Но, однажды, как значится в наших старых книгах, начали звонить колокола с церковных башен.

По всему краю пошёл громкий гул словно гром небесный, а куда он достигал, там «убогие» тотчас же толпами выходили из хат, из деревень, плача и жалобно прощаясь с людскими поселениями. Потом они рассыпались по лесам, по горам, по пустыням, куда не долетал голос колоколов.

С тех пор люди больше уже не видят их, разве только ночью, а днём могут увидеть лишь маленькие дети, вот как вы видите меня. Большая часть из них пошла в Карпатские горы оберегать подземные сокровища. В лесах их тоже довольно. А так как зима в лесу бывает сурова, то они соорудили себе плащи и капюшоны, по большей части красного цвета, по чему их легко узнать, и с чего пошло их новое прозвище: «краснолюбки». Сердца их и теперь расположены к людям: за крошку пищи, за каплю молока они всегда с радостью присматривают за достоинством доброго человека. Но когда они услышат голос колоколов, то сейчас же должны скрываться под землю... Перед великим, могучим Господином, перед Господом неба и земли»...

Этимися словами Чепухинский-Вздорный закончил свои слова и в знак почтения снял со своей головы капюшон, когда со стороны леса послышался говор множества голосов.

То бабы и дети возвращались с похода на лиса. Возвращение это, однако, не носило признаков торжества. Мудрый лис обладал не одним выходом из норы, и, прежде чем люди докопались до одного, он ускользнул в другой и скрылся в поле, или спрятался между кустами терновника, и не оставил ни малейшего следа.

Теперь бабы громко жаловались, что потеряли понапрасну время, а дети скликали вякающих собак, которые бегали около леса и отыскивали следы лиса.

При этом крике и лае пастушонки подняли головы, и засмотрелись, и заслушались так, что совсем забыли о краснолюбках.

Тогда Чепухинский-Вздорный встал, надвинул капюшон на голову и, опустившись в ближайшую борозду, скрылся в прошлогодних травах так, что ни Зоська, ни Кася, ни Стах, ни

Юзик, ни Куба Кшеменец и сами не могли сказать себе наверное, приснилось ли им это только, или действительно гном сидел в поле у ихнего костра и рассказывал им чудесную сказку.

Глава седьмая

Тем временем Чепухинский-Вздорный, тайком пробравшись к бору, шёл по лесной глуши почти в полном мраке. Хотя на белом свете стоял ещё ясный день, здесь от елей и сосен падала глубокая тень, что трудно было найти какую-нибудь тропинку.

И вот Чепухинский-Вздорный шёл наугад может быть час, а может быть и больше.

Это путешествие уже начинало надоедать ему, к тому же и голод снова заявил о себе, когда он, нечаянно споткнувшись, попал в какую-то глубокую яму.

В яме той жил лис Обьедало, славный во всей околице куроцап, – именно тот самый, на которого бабы учинили неудачный поход.

Теперь он сидел в углу своей ямы и кончал обглаживать жирного каплуна¹¹, перья которого валялись и там, и здесь на полу.

Когда Обьедало увидел свалившегося Чепухинского, то сейчас же прервал свой пир, копнул лапой один раз, копнул другой, бросил в наскоро выкопанную ямку кости, прикрыл их землёй и смотрит.

Чепухинский-Вздорный показался ему очень смешным, когда он, проделывая преуморительные прыжки, старался сохранить равновесие; но хитрый Обьедало не показал ни малейшего вида и, скромно опустив хвост, пошёл навстречу гостю.

– Вы, как я вижу, вероятно, ошиблись дверью, – сладко сказал он.

– Несомненно, – ответил Чепухинский-Вздорный. – Тут немного темновато, и я не заметил настоящего входа. Притом глаза у меня ослабели от долголетних занятий над моим великим историческим произведением.

– Ах! – с восторгом воскликнул Обьедало. – Значит, я имею великую честь приветствовать учёного и коллегу! И моя жизнь проходит в общении с книгами! И я пишу обширнейшее произведение о развитии в деревнях куроводства и голубеводства и даже предлагаю проект нового способа постройки курятников для домашней птицы. Вот и перья, которые служат мне в моей работе.

Тут скромным жестом он указал на разбросанные повсюду перья только что задушенного им каплуна.

Изумился учёный муж Чепухинский-Вздорный. Если он единственным пером серой гусыни приобрёл такую великую славу у своего народа, то каким же знаменитым должен быть тот, который исписал целые пуки таких прекрасных, золотистых перьев! Но Обьедало сказал:

– А вы, дорогой коллега, откуда взяли это чудесное перо, и где пребывает то очаровательное создание, от которого оно происходит? Я желал бы свести с ним самое ближайшее знакомство.

– Это перо, – ответил Чепухинский-Вздорный, – происходит из крыла гусыни, которую вместе со всем стадом пасёт сиротка Марыся.

¹¹ Откормленный петух.

– Со всем стадом? – повторил восхищённый Обьедало. – И вы, дорогой коллега, говорите, что его пасёт маленькая сиротка? Маленькая сиротка, которая, должно быть, и справиться с этим стадом не может? О, как бы я охотно помог ей! Как бы я охотно облегчил труд этой заинтересовавшей меня бедной сиротке! Нужно вам сказать, дорогой коллега, что у меня очень жалостливое сердце, очень жалостливое! Просто-напросто, оно мягко как майское сливочное масло.

Тут он, в свидетельство искренности своих слов, ударил себя лапой в грудь, ещё более приблизился к учёному Чепухинскому-Вздорному, долгое время обнюхивал гусиное перо, потом отёр глаза и сказал:

– Дорогой мой, не удивляйтесь моему волнению! В эту минуту я слышу, как во мне отзывается голос моего долга: исправлять заблудившихся гусят, – вот моё призвание! Помогать сироткам пасти их, – вот великая цель моей жизни!

И тотчас же, подняв кверху обе передние лапы, он воскликнул:

– О, вы, невинные существа! О, вы, кроткие, милые творения! Отныне я всецело посвящаю себя на служение вам!

Сказав это, он тотчас же направился к выходу из ямы и вышел наружу, а за ним, по длинному и тёмному коридору, следовал Чепухинский-Вздорный.

Несколько минут они шли вместе по дороге, но потом лис обернулся и сказал:

– Прошу вас, дорогой коллега, не забудьте занести в вашу ценную книгу сегодняшнего нашего свидания. Только никаких похвал, никаких фимиамов для меня! Просто напишите, что встретили великого друга человечества, по имени Обьедало, – об имени не забудьте, – усерднейше вас умоляю! – великого учёного, автора множества произведений, лиса совершенно исключительной натуры, достойного наивысшего доверия как гусиных пастухов, так и всех собственников кур и уток. Вы понимаете, дорогой коллега, что врождённая скромность не позволяет мне особенно широко распространяться о собственных добродетелях, – я ограничусь только коротким намёком, предоставляя остальное вашей догадливости.

Они обнялись как братья и пошли дальше.

В подземелье начинал проникать свет всё более ясный и румяный, а вместе с тем и тепло.

Но когда они дошли до выдолбленного пня, который служил выходом наружу, лис сделал прыжок, крикнул спутнику «до свидания» и скрылся в густых зарослях.

Чепухинского-Вздорного охватило благоухание влажных мхов и свежепримятой травы. Чувствуя, что у него в голове начинает кружиться, он сел на прошлогоднюю еловую шишку и отдохнул с минуту перед дальнейшим путешествием, обрадованный тем, что судьба позволила ему познакомиться с таким достойным зверем.

Глава восьмая

Сидит себе учёный Чепухинский-Вздорный на шишке, – смотрит, – идёт мужик.

Топор на плече, полушубок внакидку, лапти, круглая высокая шапка, посконный мешок на тесёмке, – дровосек как дровосек. Идёт он в лес, на небо смотрит, но видно ему весело, потому что он посвистывает.

И думает Чепухинский: «А что, если мне спросить у этого крестьянина, пришла ли весна?»

Но гордый своею мудростью, он тотчас же отверг это предположение: «Непристойно учёному мужу набираться ума-разума у первого встречного крестьянина».

А дровосек шёл как раз мимо него. Посмотрел он в сторону и видит, что на еловой шишке что-то торчит да такое надутое, что издали кажется чуть не шаром. Подумал дровосек, что это дождевик, толкнул его ногою и пошёл дальше. Но хотя лапоть едва-едва коснулся Чепухинского, учёный муж перекувырнулся и скатился вместе с шишкой в какую-то ямку. К счастью ещё, что его чернильница была крепка и хорошо закупорена.

Очутившись в ямке, достойный летописец сел, ощупал помятые рёбра, удостоверился, что они целы, поморщился и сплюнул на сторону.

– Тьфу, гадость какая! Мерзкий мужлан! А я ещё хотел вступить в разговор с таким неучем. Нечего сказать, хорош выбор! Нет, за это дело нужно взяться другим манером.

Он потёр пальцем свой длинный нос и начал думать, потом ударил себя по лбу и сказал:

– Как же я могу знать, пришла ли весна или нет, если я не знаю её пути по земному шару.

И он начал внимательно осматриваться, из чего бы сделать земной шар и обозначить на нём путь весны.

Вдруг смотрит он, – по тропинке идёт ёж, распустил щетину, высунул мордочку и несёт яблоко. Чепухинский очень обрадовался, любезно поздоровался с ежом и попросил у него яблоко. Ёж испугался, – что это за маленький человечек, – тем более, совесть у него была нечиста, потому что это яблоко он стащил ночью у одной хозяйки и теперь нёс его в свою ямку. Свернулся ёж в клубок и скатился с горки.

– Постойте! Постойте! Подождите! – крикнул ему вслед Чепухинский. – Я только определю на этом яблоке путь весны и тотчас же отдам вам его назад.

Но ёж уже исчез в густой мгле.

– Вот глупый зверь! – сказал самому себе Чепухинский-Вздорный. – Исчез вместе с таким прекрасным земным шаром. Что теперь делать? Нужно придумать какой-нибудь другой.

И он двинулся в путь, перескакивая через камни и рвы.

Наконец, он нашёл кусочек извёстки, слепил из неё шар, вскатил его на ближайший пригорок, еловой хвоей начал рисовать на этом шаре материки, моря, горы, одним словом нарисовал весь свет, надел большие очки и начал разыскивать путь весны.

Но мгла спустилась с горки в долину, с минуту помаячила над нею, словно белое покрывало, заволокла лесную опушку голубоватым, лёгким паром и расплылась по оврагам, а луга и поля, леса и дубровы предстали в золотом свете солнца.

А тогда с южного склона пригорка спустилась прекрасная девушка, высоко поднятыми руками благословляя всю землю. Из-под её обнажённых стоп тут же появлялись фиалки и маргаритки; она шла тихая и спокойная, а вокруг неё звучали песни птиц, трепещущих крыльями; цвет лица её был тёмный, как бывает темна только что вспаханная земля, а где она проходила, там пробуждались радуги и краски; глаза её были опущены долу, а из-под её ресниц струился голубой свет.

То была весна.

Она проходила так близко от Чепухинского, что зацепила его своей льняной одеждой, обвеянной тёплым дуновением ветра; и тотчас возле него заблагоухали фиалки, целым пучком вплетённые в её светлые волосы.

Но учёный летописец настолько был занят вычислениями, как, когда и с которой стороны весна должна придти на свет, – что совершенно не заметил появления самой весны. Он только потянул своим длинным носом летучий, благовонный запах фиалок и, склонившись над большою книгою, тщательно записывал всё, что выходило по его расчётам.

А расчёты его были таковы, что весна вовсе не появится на свете, что она потеряла дорогу, осталась за морем и в здешние края уже не вернётся. По его расчётам выходило так, что жаворонки и соловьи петь не будут, потому что они совсем охрипли, что единственную песню на свете будет карканье ворон, что вихрь унёс в неизмеримые пропасти все семена цветов, что теперь уже не зацветёт ни роза, ни лилия, ни дикая яблоня. По его расчётам выходило точно также и то, что заря угасла, что солнце совсем почернело, что дни обратились в ночи, а поля, вместо трав и хлебов, покроются вечными снегами.

Он писал эти слова, окружённый облаками дыма, которые выходили из его трубки, преисполненный гордости, какой он мудрец и какой пророк, а тут на пригорок прилетели три огромнейших, черновато-золотистых жука, все косматые, и начали сновать в голубом воздухе, избрав себе целью светящуюся лысину Чепухинского-Вздорного.

Облетели они его раз, другой и третий, гудя громким басом, но учёный, углубившийся в свою книгу, не замечал их.

И вот, именно в ту самую минуту, когда он ставил точку в конце своего пророчества, что-то хлоп его в лысину раз! Хлоп в другой! Хлоп в третий раз, в четвёртый, в десятый!..

Крикнул Чепухинский-Вздорный истошным голосом, думая, что весь мир разрушается, выпустил из зуб трубку, бросил перо и отводил в сторону, при чём опрокинул на книгу всю свою объёмистую чернильницу.

Чёрные потоки полились прямо на только что исписанные страницы. Чепухинский-Вздорный почти окаменел.

Все пророчества его пропали, расчёты его все пропали.

Вся книга залита рекою чернил.

Что он сделает теперь? С чем возвратится к королю?..

Он так мудро, так прекрасно рассчитал всё, – и всё пошло прахом!

Заломил руки несчастный летописец, потому что от неожиданного страха вся мудрость покинула его. Теперь он уже и в самом деле не знал, пришла ли весна или не пришла.

И он стоял на одном месте до полудня, стоял до вечера.

Сквозь вечернюю зарю начали просвечивать звёзды, запах цветов доносился с полей и лугов, прекрасная девушка доходила уже до края леса, а под её обнажённую стопу расцвёл первый ландыш.

Приключения Подзёмка

Глава первая

Тем временем в Кристальной пещере у гномов запасы живности так исчерпались, что на каждого краснолюдка в течение дня выдавали только по три горошины.

Из этого, конечно, выходили разные ссоры и даже драки, как обыкновенно это бывает везде, где голодно и холодно.

Не было дня, чтобы в пещере не произошла какая-нибудь скверная история.

То Божья Коровка поссорится с Подберёзником, то Соломинка с Дождевиком, до тех пор, пока Микула и Пакула, которые в пещере исполняли обязанности стражников, не забирали всю ссорящуюся компанию в кутузку.

Но больше всех в эти тяжёлые времена бушевал и буянил Подзёмок. Ел он за четверых и всё-таки постоянно жаловался, что голоден.

Этот Подзёмок когда-то имел совсем особенного сорта приключение.

Нужно сказать, что гномы не всегда сидят под землёю. Они охотно живут в деревнях, – то под печуркой, то под порогом хаты, а где хозяйка невнимательно смотрит за своим добром, где горшки не накрыты, сор не выметен, пряжа лежит, как попало, сыр в пору не отжат, помои не вынесены, домашней птице корму не выдаётся, – то проказники-гномы набросают мух в борщ, сор выметут из углов на середину комнаты, перепутают нитки на моталке, кур выпустят из клетки, лоханку опрокинут, – сколько могут, столько и натворят бед, и опять под печурку.

Когда хозяйка оставит своего ребёнка в колыбели, а сама побежит к соседке посплетничать, гномы тотчас же подменяют ребёнка, подбросят своего, а крестьянского стащат и потом заставят его служить себе.

Такой подкидыш-гном не растёт, только голова его становится всё больше и тяжелей, а есть он такой охотник, что его ничем нельзя насытить.

У одной бабы был однажды в деревне маленький сынок, Ясько. Хорошенький был мальчик.

Волосики точно лён, глазёнки как чабер, губы как земляничная ягода. И здоровый был, и весёлый точно рыба в воде. Плакал он редко и хоть прожил на свете не более полугода, улыбался матери, протягивая ей ручонки, и болтал словно малый птенец. Но мать редко когда сидела с ним, – чуть что, так сейчас к соседкам язык чесать. Там постоит, там посидит, а как заболтается, так и о горшках невымытых, и о белье невыстиранном, обо всём позабудет, даже о Яське.

Пришли однажды гномы в хату, смотрят, – дверь настежь, хозяйки нету, в углах роются поросята, а ребёнок плачет в колыбели.

Тотчас же они схватили его, унесли в своё подземелье, а в колыбель положили своего Подзёмка, чисто-начисто выбривши ему бороду.

Приходит мать, смотрит, что такое за ребёнок? Голова как дыня, лицо всё в морщинах, глаза навывкате, а ноги короткие словно у утёнка.

Испугалась баба.

– Тьфу! Чур меня! – говорит она и протирает глаза, думая, что это ей только показалось.

А тот как крикнет:

– Есть!

– Ясько! – говорит мать. – Ясько! – а он только смотрит на неё исподлобья и кричит: «Есть и есть».

Накормила его баба, укачала, думает: «Спать будет». Не тут-то было! Отойдёт она на шаг от колыбели, а он в крик: «Есть и есть!»

И так до вечера раз десять. Помутилось у бабы в голове: что такое случилось с ребёнком? Отчего он сделался таким ненасытным и догадаться не может. Вложила ему в одну руку ломоть хлеба, в другую – морковь, – ну, заснул, наконец.

Зато наутро, чуть свет, то же самое: «Есть и есть!»

«Что тебя волк, что ли, сглазил, что ты наешься не можешь, – думала баба, кормя его и вместе с тем дивясь, – что за перемена такая? До сих пор Ясько ел столько, что и воробью бы не хватило, а теперь вечно голоден».

Оставалось одно только, – стой возле его колыбели и вечно суй ему что-нибудь в рот. Жрёт как старый, глаза таращит как жаба, совсем не такой, каким был раньше.

Так прошло несколько дней, прошла неделя. Тут баба начала замечать, что она ни оставит в горшке, – клёцки¹² ли, варёный горох ли, – а выйдет из хаты, сейчас всё это кто-то съедает.

– Что такое это здесь творится? – говорит баба, и от удивления у неё ум за разум заходит.

Подумала она, что это делает кот. Побила кота, заперла его в чулан, а сама ушла. Возвращается, – в горшках пусто, кастрюля вылизана, от сметаны следа не осталось.

Идёт она в чулан, смотрит: кот сидит, как и сидел, и отчаянно мяукает. Бока у него даже ввалились, – такой голодный.

Видит баба, что это не кот, – должно быть Кручек.

А при хате находился чёрный щенок, которого Кручком величали. И баба ну валять его палкой. Щенок визжит, потому что боль в костях несносная, сени заперты, улизнуть некуда, а баба всё колотит его да ещё приговаривает: «Ни с места! Вот я тебя!» Вертится Кручек, пищит, рад бы сквозь землю провалиться, но тут баба сама умаялась и бросила палку. Бедный Кручек поджал хвост и, жалобно визжа, потащился в сарай и там до самого вечера лизал свои отбитые бока.

На другой день баба запирает и кота, и Кручка в чулан, ставит горшки в печку, а сама идёт к соседке.

Посидела она немного у соседки, поболтала, возвращается, а в хате чистое светопреставление!

Кот с Кручком в чулане грызутся так, что шерсть клочьями летит, а в хате печь открыта, горшки пусты, кастрюля со сметаной вылизана так, как будто её кто вымыл, и младенец в колыбели орёт, надсаживается.

От великого горя баба схватилась за голову, но тотчас же её взяла злость, она ударила кулаком о кулак и говорит:

– Подожди ты, нечестивое отродье! Уж угощу я тебя!

И в горестных мыслях она подошла к колыбели, потому что подкидыш всё заливается криком.

Кормит его бедная мать, а слёзы так и капают из её глаз, лишь только она посмотрит на ребёнка... Как изменился её Ясько! Прежде она сиживала с ним перед хатой на пороге,

¹² Кусочки теста, сваренные в бульоне.

а всякий, кто проходил мимо, хвалил ребёнка, потому что другого такого не скоро сыщешь. А теперь она его и показать людям не смеет, – такое из него вышло страшилище.

Не улыбается уже он, не болтает, ручонки к материнским кораллам¹³ не протягивает, лежит весь раздутый, сморщенный, лысый, словно старик какой-нибудь.

Расти, тоже не растёт, только голова его становится всё больше и тяжелей, всё больше походит на дыню.

Сущее наказание!

Уж она пробовала умыть его с глазу, бросала в воду три уголька, три кусочка хлеба, и в полынном отваре купала, и освящённой вербой окуривала, – ничего не помогло.

А тут вдобавок такой убыток! Наготовит она еды на двух взрослых мужиков, а только что выйдет на минуту из хаты, то еды и на неё одну не останется.

– Ребёнок... Что ж с ним поделаешь, – говорила разогорчённая баба, – попущение Божеское! Но что касается насчёт этого обжорства, то я не прощу! Что хочешь обещаешь мне, – не прощу!

¹³ Бусы.

Глава вторая

На другой день наварила баба горшок капусты, наварила горшок гороху, поджарила хороший кусок сала, вставила всё это в печь, закрыла её, взяла с собою кота и Кручка, накормила ребёнка и ушла.

Но ушла она недалеко, а только остановилась за углом и смотрит украдкой в окно.

Смотрит, а подкидыш поднимается со своей постели, садится в колыбели и осматривается по комнате, нет ли возле него кого-нибудь. Смотрит баба дальше, а он вылезает из колыбели, и – прямиком к печке. Подошёл, отодвинул заслонку, понюхал с видимым удовольствием, потому что ему понравился запах сала, и давай искать ложки. А ложки были заперты.

Неприятно ему было громоздиться к шкафу, но, тем не менее, он взобрался на сундук, выбрал самую большую ложку и полез с нею в горшки. Вытащил он из печки капусту, приправил её салом, прибавил гороху, а у самого даже уши трясутся.

Струсил баба, смотря на это, всплеснула руками и полетела к соседке за советом.

Прибежали они обе почти тотчас же, – в горшках почти уже пусто, подкидыш же сопит, но есть не перестаёт.

Подчистил всю капусту, подчистил горох до конца, постукал ложкою в пустой горшок, наклонил кастрюлю, дочиста вылизал всё, что было, ходит по хате словно старик и в углы заглядывает.

Баба только зубы стиснула, но ничего, – молчит.

А тот ходил, ходил и нашёл яйцо, которое курица снесла под кошёлкой, начал мотать головой и удивляться этому яйцу.

– Семьдесят семь лет живу я, – говорит он, – а ещё не видал такой бочки без обручей.

Соседка по его словам тотчас же узнала, что это гном.

– Делать тут нечего, – говорит она, – нужно призвать на помощь Бога, вырезать крепкую берёзовую ветку, выпороть этого подкидыша и бросить его в помойку. Когда он будет пищать в помойке, то гномы настоящего ребёнка возвратят назад, а этого урода возьмут к себе.

Бабе это пришлось по сердцу, и она начала стегать подкидыша.

А через два дома от неё жила Кукулина, вдова с маленькою дочкой – Марысей.

Нужно же было так случиться, чтобы эта вдова взяла свою девчонку на руки и отправилась бы полоть на господское поле.

Слышит она чей-то крик у соседки, остановилась и думает: «Бьют кого-нибудь, иначе и быть не может. Нужно идти заступиться».

А тут и её девчонка, которая и говорить-то не умела, начала хныкать от жалости, что кого-то обижают и кому-то делается так больно.

Посмотрела Кукулина на дорогу, посмотрела на солнце, которое уже сильно поднялось кверху. Не хотелось ей тратить времени, потому что она была женщина работающая, но жалость всё-таки пересилила. Идёт она к соседке, а у той двери заперты.

– Соседка! – кричит она. – Кто это у вас так кричит?

Баба отвечает:

– Не ваше дело! Идите своей дорогой!

Но Кукулина не унимается:

– Соседка, мне сдаётся, что это ты так бьёшь своего Яську. Пожалей его, он ещё такой маленький!

Баба опять своё:

– Он, подкидыш, такой же мой как тот злой ветер, который летает по полю.

– Хотя бы он и не ваш был, пожалейте его, больно тяжело такой крик слышать.

Тут Марися начала ещё сильнее плакать.

Баба рассвирепела:

– Скажите на милость, какая милосердная!.. Защитница какая нашлась! Ступай, откуда пришла, в чужие двери носа не суй, потому что тебе прищемят его, вместе с твоею пискуньей!

Неприятно было Кукулине получить такой ответ, но так как в хате всё смолкло, то она и думает: «Ну, что на неё обижаться, – благо, она смилостивилась. Мало ли чего человек в гневе не скажет, помнить этого не нужно. Хорошо, что там всё утихло».

И она пошла дальше.

Но и краснолюдки услышали крик своего Подзёмка и говорят один другому:

– Нехорошо! Делать нечего, надо идти на выручку.

Не прошло и нескольких минут, как – дивное диво! – в хате из-под печки начали появляться маленькие человечки в жёлтых и зелёных епанчах¹⁴, каждый в руках держит красную шапочку, низко кланяется бабе и просит, чтобы она выпустила на свободу их товарища, а они ей насыплют в передник столько талеров¹⁵, сколько он выдержит.

Смягчилось у бабы сердце, когда она услышала о талерах, но соседка вдруг как крикнет у неё над ухом:

– Не пускай его на волю, кума, если в Бога веруешь, потому что они не отдадут твоего мальчонку, а талеры – пустое дело, ничего больше!

Баба послушалась и говорит:

– Марш отсюда! Мальчонку моего отдайте, а ваших талеров я не желаю! Убирайтесь один за другим, иначе всей компании достанется.

Гномы прижали уши. Один за другим шмыг под печку.

А баба взяла Подзёмка за шиворот и на помойку. Запищал Подзёмок словно котёнок, когда его выпустили из рук и бросили наземь, не столько от боли, сколько от страха, – потому что не знал, что с ним сделают.

Но в это время Кукулина повернулась лицом к хате, видит, – лежит бедняга на куче сора и плачет. Тотчас же она подошла к нему, отёрла ему глаза от слёз, ласково заговорила с ним, уделила ему кусочек хлеба из своего скудного завтрака, нарвала пригоршню свежей травы, подостлала под него, чтобы ему было сухо и чисто, а заметив, что солнце всё выше и выше поднимается по небу, отыскала возле рва большой лист лопуха и устроила ему палатку от зноя.

Подзёмок признательно посмотрел на вдову и, увидав, что Марыся захлопала ручонками, что ему так хорошо и чисто лежать на травке и под лопушиным листом, – улыбнулся

¹⁴ Епанча – широкий безрукавный плащ с капюшоном.

¹⁵ В старину – крупная серебряная монета.

ей и почувствовал великую сладость в сердце, великую благодарность и глубоко растрогался. «Дай Бог расплатиться когда-нибудь с вами!» – шепнул он самому себе, когда Кукулина скрылась со своей девочкой.

Она хотела было взять его с собою, да не осмелилась... Всё-таки у него есть мать, а мать, известное дело, порою и розгой отстегает, а потом приласкает и на руки возьмёт...

Так думала Кукулина, а того и не знала, что гномы подменили ребёнка бабы, и что это не её сынок, а гном-подкидыш.

Прошёл день. Вечером вышла баба посмотреть, что случилось, а Подзёмка и следа нет, – возле порога лежит её Ясько: волосы как лён, глазёнки словно чабер, губы как лесная ягода!

Краснолюдки отнесли его бабе, а своего взяли обратно.

Вот была радость и утеха! Сделала баба яичницу из целого десятка яиц, пригласила соседку в гости, ещё и булку испекла, – вот как она благодарила её!

Потом Ясько обратился в видного парня, но всегда был дикий, от людей бегал, шатался по горам и по лесам, рассказывал, какие дивные дивы он видел под землёй, какие сокровища у этих маленьких людей. В деревне его за это считали дурачком, а словам его ни на каплю не верили, – так оно и осталось.

Тем временем Подзёмок быстро излечился от своих ран. Гномы знают разные зелья и чудодейственные мази. И как начали они облеплять его пластырями, окуривать, натирать то волчьими ягодами, то комариным салом, то паучиной жёлчью, так сразу и вылечили его.

Король же Огонёк любил Подзёмка, держал его у себя в милости и сострадательными очами взирал на его страдания от голода.

И Подзёмок также очень любил короля и часто сиживал у королевских стоп, то отогревая их своим дыханием, то наигрывая на свирели разные песенки, от которых в Кристальной пещере становилось как будто теплее.

Но когда дело доходило до еды, то Подзёмок забывал обо всём, думал только о хлебе, и никому не давал приступа ни к миске, ни к ложке. А если ему кто-нибудь противился, то он впадал в страшный гнев и готов был хоть один идти против целой дружины.

Однажды поднялся страшный шум.

Подзёмок напал на эконома¹⁶ за то, что ему как и всем другим отпустили на весь день только три зёрнышка гороха: и мало того, что сильно побил верного царского слугу, но ещё и сам пошёл жаловаться королю, что его обижают.

Король отпустил его ни с чем, сказав, что закон должен быть для всех одинаков, но Подзёмок ещё более начал кипятиться.

– Коли так, – говорит он, – коли для меня здесь нет справедливости, то я иду на землю. Там у всякой бабы я найду лучшее пропитание, чем здесь, за королевским столом.

Другие гномы со смехом ответили ему:

– Иди, иди, обжора! По крайней мере, одним ртом будет меньше в нынешние тяжёлые времена.

Они думали, что это одни лишь шутки, но Подзёмок сказал:

– Вот и увидите, что я пойду!

Гномы опять расхохотались:

– Да принеси нам весть о весне, коли ты такой храбрец!

Подзёмок стоял на своём:

– И увидите, что принесу!

Он подпоясался ремнём, сунул свирель за пазуху, поклонился королю, набил трубку и направился к выходу.

¹⁶ Управляющий хозяйством, расходом денег и припасов.

Глава третья

Уже смеркалось, когда Подзёмок, остановившись у отверстия пещеры, вздохнул и начал оглядываться по сторонам.

Налево всё было пусто и дико. Там стоял чёрный бор, на соснах каркали вороны, в ложбинах белелся ещё нерастаявший снег, мокрые хвои тёмным ковром устилали землю, а от мрачной стены шумящих деревьев веяло влажным, пронзительным, острым дыханием.

– Брр! Зима! – проворчал Подзёмок и посмотрел направо.

Направо, к реке расстилалась весёлая долина, по которой с журчаньем неслись ручьи, а кустики свежих трав так и рвались из-под земли к свету. Над долиною угасала заря.

Подзёмок ударил себя ладонью по лбу и воскликнул:

– Да ведь это, наконец, весна!

Вдруг со стороны бора повеяло ледяным ветром.

Закручинился Подзёмок и говорит:

– Поди-ка, ухитрись, разгадай, зима теперь или весна? С левой стороны так, с правой этак! И сам царь Соломон стал бы в тупик.

В это время над ним что-то зашумело в воздухе.

«Ого! – думает Подзёмок. – Теперь-то я уж добьюсь правды! Или это ворон, или голубь. Если ворон, – то зима, а если голубь, – то весна».

Но едва он подумал это, смотрит, а перед ним, как раз прямёхонько, опускается летучая мышь.

– Поди-ка, ухитрись, разгадай! – снова проворчал Подзёмок и начал крутить головою.

Крутит головою влево и вправо, думает и всё-таки ничего выдумать не может.

Посмотрел он в долину, а там какой-то белый свет, почти что серебристый.

– Ого! – воскликнул Подзёмок. – Теперь-то я уж добьюсь правды! Или это снег, или роса. Если снег, – то зима, а если роса, – то весна.

И он внимательно начал рассматривать, что это такое.

Вытаращил хорошенько глаза, – оказывается, что это ни снег, ни роса, а только туман.

– Поди-ка, ухитрись, разгадай! – в третий раз проворчал Подзёмок и с огорчением закрытил головой.

Крутит он головою влево и вправо, думает и всё-таки ничего выдумать не может.

Посмотрел он в бор, а там в зарослях что-то светится.

– Ого! – крикнул он. – Вот теперь-то я уж наверно добьюсь правды. Или это светляки, или гнилушки. Если гнилушки, – то зима, а если светляки, – то лето.

И он тотчас же побежал на этот свет.

Прибежал, смотрит, оказывается, что это волчьи глаза. Подзёмок страшно рассердился и говорит:

– погоди, светишь ты мне, и я тебе посвечу!

С этими словами он высек огня, закурил трубку и, выпустив большой клуб дыма, повернул голову и совершенно перестал думать о волке.

Тем временем ему страшно захотелось есть. Глядит, высматривает, чем бы ему подкрепиться, и видит, – лежит что-то во мху. А место было то самое, на котором Чепухинский-Вздорный рисовал части света и размерял пути весны.

Смотрит Подзёмок и видит, – лежит что-то круглое. Думает, яйцо.

А то был комочек извести, из которой учёный муж слепил земной шар.

«Какое-то особенное яйцо!» – думает Подзёмок, стукнул его, смотрит, – известь.

Этого для него было уж слишком достаточно. Он с гневом растянулся на мху, подпёр голову рукою и заснул.

До утра было ещё далеко, и рассвет еле-еле серебрил восточную сторону небосклона, когда Подзёмок услышал над собою какой-то сильный шум.

Он очнулся, сел, протёр глаза, смотрит, – а это аисты летят. Из-за моря летят, из-за синего. Распростёрли свои крылья в тихом, посеребрённом воздухе и широким полётом направляются к своим старым гнёздам.

«Как раз в самую пору! – подумал Подзёмок. – На такой лошадке всё-таки дело будет спорей, чем пешком».

А когда он думал так, аисты как раз пролетали над той горкой, где стоял он, и чуть не вплотную приблизились к земле. Подзёмок подпрыгнул, вскочил на ближайшего аиста, обвил руками его шею, стиснул пятками бока как настоящий всадник, когда он пускает коня во всю прыть, и помчался впереди всех.

Но едва они пролетели над долиной и над рекой, которая под розовыми лучами горела яркими блёстками, как Подзёмок начал соображать и припоминать что-то. Выгон, пруд, пограничные холмы, полевые груши, деревня, далеко растянувшаяся двумя рядами хат, сарай, – всё это было как будто знакомо ему.

И вдруг он пришёл в ужас.

Не туман ли пал ему в глаза? Он видит хату, стоящую на краю селения посреди берёз, перед хатой разрытую курами навозную кучу и новую метлу у порога. Протёр он глаза, сплюнул в сторону, – ничего не помогает! Хата, берёза и метла не исчезают. У Подзёмка по коже пробежали мурашки.

Нет никакого сомнения, что это был тот самый дом, в котором он, под видом подкидыша, лежал в колыбели и таскал у бабы из горшков разную пищу, и та самая помойка, на которую он был выброшен в самом жалком положении.

– Тпру... Тпру... – крикнул Подзёмок на аиста как на лошадь, но аист, заведя на крыше своё старое гнездо, начал весело клекотать и, оставляя далеко за собою своих товарищей, прямо понёсся к этой хате.

Съёжился бедный Подзёмок, как только мог, припал к шее аиста и сделался ещё меньшим, чем был.

«Нечистый меня сюда принёс!» – думал он, дрожа всем телом при воспоминании о бабе.

Он уже оглядывался, не лучше ли ему соскочить наземь, чем рисковать вторично встретиться с бабой, но было несомненно, что при таком прыжке он сломает себе шею. Подзёмок подумал, подумал и остался на месте.

Тем временем аист описал широкий круг над почернелой, поросшей мхом кровлей, описал другой поуже и, опускаясь всё ниже, наконец, сделав половину третьего, вытянул длинную шею, с громким клёкотом упал в старое гнездо и ещё несколько минут от радости бил тихий голубой воздух своими большими крыльями.

Высунул Подзёмок голову из-за шеи аиста, смотрит, – всё как было: в коровнике мычат телята, кудахтает пёстрая курица, горшок вверх дном торчит на колышке у плетня, за углом похрапывает Кручек.

В это время двери хаты скрипнули.

«Как Бог свят, баба!» – думает Подзёмок, и спина у него начинает чесаться.

И, действительно, раздался возглас бабы:

– А! Прилетел! Милости просим пожаловать в добрый час... Милости просим!..

Подзёмок тотчас же прячется за шею аиста, но баба каким-то образом всё-таки увидела его.

– Что за пропасть такая? – говорит она, внимательно смотря кверху.

И вдруг она всплеснула руками.

– Караул! Та же самая нечистая погань! Заговор тут какой-нибудь, что ли!?

Она тотчас же вспалилась гневом и закричала во весь голос:

– Подожди ты, вот я тебя кочергою сейчас достану.

И она бегом побежала в хату, а Подзёмок тем временем прыгнул с аиста на самое дно гнезда. Зарылся он в солому, съёжился, сидит, а сам выглядывает сквозь щёлку, что будет дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.